

Министерство образования и науки РД
«Республиканский профессионально-педагогический
колледж №1» (г.Дербент)

ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНАЯ

КОМПОЗИЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ

115-ЛЕТИЮ М.ЦВЕТАЕВОЙ

Провела :
Преподаватель
Алиева З.А.

Ведущая: Здравствуйте, дорогие гости! Мы собрались, чтобы отметить 115 - ление Марины Цветаевой. Вначале мы хотим поговорить о тех, кто окружал Марину Цветаеву, о тех, под чьим влиянием формировалась ее судьба, развивался ее талант: о матери, отце, сестре, муже.

Ханум: Золото моих волос
Тихо переходит в седость
- Не жалеите! Все сбылось.

Все в груди слилось и спелось.

Поэт начинается с детских впечатлений, с дома, семейного уклада. Это как будто бы аксиома. Марина Цветаева «начинается» в Москве, в профессорском доме, полном книг, интересных собеседников, тихих вечеров за чтением, а еще рядом - младшая сестра Ася, а еще мама, строгая, взыскательная, влюбленная в музыку, талантливая пианистка, свою любовь к музыке передавшая детям.

как искусствовед – основатель музея изящных искусств. И. В. Цветаев был также директором Румянцевского музея.

Ильгейма: Немаловажную роль в воспитании Цветаевой как человека и поэта сыграла ее мать.

Мария Александровна, мать Марины, была музыкантом. Она была человеком мятежным, страстным. Свою пылкую романтическую жизнь она выплескивала в звуках. После такой матери мне оставалось одно – стать поэтом, – говорила Цветаева.

Ханум: С детства привилось и в Цветаевой – поэте проявилось: не просто зоркость глаз, наблюдательность, а впечатлительность, зоркость взгляда, помноженная на привязанность к увиденному «мое». В дальнейшем так и будет: «Мой Пушкин», «У меня в Москве купола горят», и все «мое», к чему прикоснулось сердце поэта.

В Серебряный век русской поэзии Марина Цветаева вступает гимназисткой, издавшей на собственные деньги первый поэтический сборник, который назывался «Вечерний альбом».

Марина Цветаева даже в начале своего творческого пути не принадлежала ни к одной из поэтических групп, но пройти мимо школы символизма не могла.

Мэтры символизма В. Брюсов, Вячеслав Иванов, К. Бальмонт «учительствовали» и собственным творчеством, и отзывами о ее публикациях, и теоретическими декларациями. Об одних она написала воспоминания (В. Брюсов, К. Бальмонт), другим посвятила стихотворные циклы (например, А. Блоку, В. Иванову).

Гюнель: Еще одним человеком, сыгравшим огромную роль в судьбе Марины Цветаевой, был ее муж, Сергей Эфрон.

В Коктебеле решила судьба Марины. Это произошло в самом начале мая. Она собирала камешки на морском берегу. Он стал помогать ей – красивый, грустный юноша, с поразительно огромными глазами. Взглянув в них, Марина загадала: «Если он найдет и подарит мне сердолик, я выйду за него замуж». Конечно же, сердолик он этот нашел сразу же, на ощупь, ибо не отрывал своих серых глаз от ее зеленых. Вложил ей в руку розовый, крупный камень, который Марина хранила всю жизнь, и который чудом уцелел и по сей день.

В дневнике Марины есть запись: «Сережу я люблю бесконечно и навеки. Он бесконечно красив, умен, благороден. Если бы вы знали, какой это пламенный, великодушный и благородный юноша. Я постоянно дрожу над ним. От малейшего волнения у него повышается температура, он весь - лихорадочная жажда всего. Мы никогда не расстанемся. Наша встреча - чудо...

Мадина: Октябрьская революция, расколовшая Россию в 1917 году, «прошла через сердце поэта»: ее муж, Сергей Эфрон, оказался на Дону, в белой гвардии и вынужден был эмигрировать в Прагу.

Гюнель: Стихотворение М. Цветаевой, посвященное мужу Сергею Эфрону, «Я с вызовов ношу его кольцо».

*Я с вызовов ношу его кольцо!
Да, в вечности жена - не на бумаге
Чрезмерно узкое его лицо подобно шпаге.
Безмолвен рот его, углами вниз
Мучительно великолепны брови,
В его лице трагически стились
Две древних крови.
Его глаза прекрасно бесполезны
Среди раскинутых бровей,
Две бездны.
В его лице я рыцарству верна,
Всем вам, кто жил и умирал без страху
Такие — в роковые времена —
Слагают стансы и идут на плаху.*

Марина Цветаева обвенчалась с мужем Сергеем Эфроном в январе 1912 года в Палашевской церкви Рождества Христова, у иконы «Взыскание погибших». После этого их ожидало свадебное путешествие в Париж и Италию.

Гюнель: Марина Цветаева - писатель большой и разносторонний. Постепенно мы узнаем Цветаеву - поэта. Нам придется еще познакомиться с Цветаевой - прозаиком, художником не менее замечательным.

Цветаева проникновенно писала о многих поэтах. Но поистине первой и неизменной любовью ее был Пушкин. Мало сказать, что это ее «вечный спутник». Пушкин, в понимании Цветаевой, был безотказно действующим аккумулятором, питавшим творческую энергию русских поэтов всех поколений - и Тютчева, и Некрасова, и Блока, и Маяковского. И для нее самой «вечно современный» Пушкин всегда оставался лучшим другом, собеседником, советчиком. С Пушкиным она постоянно сверяет свое чувство прекрасного, свое понимание поэзии.

Думая и говоря о Пушкине, о его гении, о его роли в русской жизни и русской культуре, Цветаева была заодно с Блоком и Маяковским. Она прямо вторит Блоку, когда говорит: «Пушкин дружбы, Пушкин брака, Пушкин бунта, Пушкин трона, Пушкин света, Пушкин няни, Пушкин «Гавриилиады», Пушкин церкви, Пушкин - бесчисленности своих ликов и обличей - все это спаяно.

Ведущая: Цветаеву - поэта не спутаешь ни с кем другим. Стихи ее узнаешь безошибочно, по особому распеву, неповторимым ритмам, не общей интонации. Может быть, поэтому на стихи Цветаевой легко пишется музыка. Давайте прослушаем один из известных романсов на ее стихи.

(романс)

Ведущая: Большая часть жизни Марины Цветаевой прошла за границей. И об этом тяжелом периоде жизни поэта нам расскажет Рагимова Кемсер.

Рагимова Кемсер: 15 мая 1922 года Цветаева с дочерью, влекомая любовью, выехала за границу - к мужу, который был белым офицером. За рубежом Цветаева жила сперва в Берлине (недолго), потом 3 года - в Праге.

1 февраля 1925 года у Цветаевой родился давно желанный сын Георгий - в семье его будут называть Мур. В марте Цветаева начинает писать поэму «Крысолов». В ноябре 1925 года перебралась в Париж.

Если в 1922-23 гг., ей удалось издать за рубежом 5 книжек («Царь-Девушка», «Стихи к Блоку», «Разлука», «Психея», «Ремесло»), то в 1924г. - уже только одну («Молодец»), а потом наступает перерыв до 1928 г., когда вышел в свет последний прижизненный сборник Цветаевой «После России», включающей стихи 1922-25 г. Поначалу белая эмиграция приняла Цветаеву как свою. Её охотно печатали и хвалили. Но вскоре же картина существенно изменилась. Прежде всего для самой Цветаевой наступило жестокое отрезвление. Действительность не оставила камня на камне от мифа о «русской Вандее». Муж Цветаевой, Эфрон прошедший с белой армией весь её бесславный и преступный путь, повинувшись голосу чести и совести, коренным образом пересмотрел свои взгляды. Он рассказал Цветаевой

правду о «белом движении», и она не могла не признать этой суровой правды. Белоэмигрантская среда с мышинной возней и яростной грызней всевозможных партий и «фракций», сразу же раскрылась перед Цветаевой во всей своей жалкой и отвратительной наготе. Цветаева и здесь пыталась сохранить некоторое подобие независимости: «Ни к какому поэтическому или политическому направлению не принадлежала и не принадлежу» («Ответ на анкету» - 1925 г.).

Постепенно связи Цветаевой с белой эмиграцией все более ослабевают и, наконец, почти рвутся. Её печатают мало, но пишет она очень много. В основном её печатают на страницах малотиражных журналов и альманахов.

Важно отметить, что это обстоятельство не слишком волновало и огорчало Цветаеву, ибо она была твердо убеждена, что её читатель остался в России.

Среди подавляющего большинства эмигрантов она, в самом деле, казалась белой вороной. Цветаева не находила с эмигрантами общего языка, с наиболее влиятельными литературными кругами белой эмиграции Цветаева находилась в самых натянутых отношениях.

Вокруг Цветаевой все теснее смыкалась глухая стена одиночества. Ей «некому прочесть, некого спросить, не с кем порадоваться». По-видимому, она несколько не погрешила против истины, когда жаловалась в 1935 г. (в частном письме): «Надо мной здесь люто издеваются, играя на моей гордыне, моей нужде и моем бесправии (защиты нет)».

А нужда была действительно велика: «Нищеты, в которой я живу, вы себе представить не можете, у меня же никаких средств к жизни, кроме писания. Муж болен и работать не может. Дочь вязкой шапочек зарабатывает 5 франков в день, на них вчетвером (у меня сын 8-ми лет, Георгий) живем, то есть просто медленно подышаем с голоду» (письмо 1933 г.).

Немыслимо работать художнику, когда он остается в таком безвоздушном пространстве, какова эмиграция - без родной земли под ногами, без родного неба над головой. Нужно обладать незаурядными душевными силами, чтобы в таких условиях сохранить хотя бы последнее - свою личность, без которой вообще нет и не может быть искусства. Ценой громадных усилий Цветаева сохранила свою личность, свою «душу живу».

И вот что замечательно. Не поняв и не приняв революции, убежав от неё, именно там, за рубежом, Цветаева, пожалуй, впервые обрела трезвое знание о социальном неравенстве, увидела мир без каких бы то ни было романтических покровов. И тогда-то проснулся в ней праведный, честный гнев настоящего художника - «святая злоба» на все, что мешает людям жить.

Победа гитлеризма в Германии, гибель Испанской республики, мюнхенская измена - все это вызвало в душе Цветаевой страшный протест. Близкие ей люди - муж и дочь - уехали в Советский Союз. Марина Ивановна с сыном готовились к отъезду.

Последнее, что Цветаева написала в эмиграции, - цикл гневных антифашистских стихов о растоптанной Чехословакии, которую она нежно и преданно любила (эти стихи ей уже негде было напечатать). Это поистине «плач гнева и любви», поэзия обжигающего гражданственного накала, настоящего ораторского звучания и вместе - трагического отчаянья. Проклиная фашизм и перекликаясь с богоборческим исступлением Ивана Карамазова, Цветаева теряла уже последнюю надежду - спасительную веру в жизнь.

На этой ноте отчаянья оборвалось творчество Марины Цветаевой. Дальше осталось просто человеческое существование. И того - в обрез. В 1939 году Цветаева восстанавливает свое советское гражданство и 12 июня 1939 года Цветаева возвращается на родину.

Тяжело дались ей семнадцать лет, проведенные на чужбине. Она

нашла все основания сказать: «Зола эмиграции... я вся под нею - как Геркуланум, - так и жизнь прошла».

Цветаева долго мечтала, что вернется в Россию «желанным и долгожданным гостем». Но так не получилось. Личные её обстоятельства сложились плохо: в августе арестовали дочь, в октябре - мужа. Она с сыном скиталась по чужим углам: снимала комнату в Голицыне, переменила 3 жилья в Москве. Грянула война. Превратности эвакуации забросили Цветаеву сперва в Чистополь, потом в Елабугу. Тут-то и настиг её тот «одиначества верховный час», рядом не было никого; муж и дочь были далеко, натянутые отношения с сыном. 31-го августа, в воскресенье 1941 г. Цветаева покончила с собой. Вернувшийся сын и хозяйка нашли её висящей на сенах на крюке, и 3 записки. Асеевым в Чистополь «Я для него больше ничего не могу и только его гублю... У меня в сумке 150 рублей, и если постараться распродать все мои вещи... А меня - простите - не вынесла». Людям, которых просила помочь ему уехать «Я хочу, чтобы Мур жил и учился. Со мной он пропадет». И сыну «Мурлыга! Прости меня, но дальше было бы хуже. Я тяжело больна, это уже не я. Люблю тебя безумно. Пойми, что я больше не могла жить. Передай папе и Але - если увидишь - что любила их до последней минуты и объясни, что попала в тупик».

Анна Саакянц :Сказала такие слова :

»Смерть Поэта тоже входит в его бытие. А его бытие принадлежит Будущему. Это Будущее уже наступило. «

Благодаря твердому характеру, силе воли Марина Цветаева выжила в это тяжелое для нее время. О характере поэта нам расскажет Мамедова Кенуль.

(песня на стихи М. Цветаевой « Мне нравится....»)

Гусейнова Айсель.

Пушкинские стихи в жизни Марины Цветаевой.

В отношении Цветаевой к Пушкину, в ее понимании Пушкина в ее безграничной любви к Пушкину самое важное и решающее – это твердое, непреложное убеждение в том, что влияние Пушкина может быть только освободительным.

Порукой этому – сама духовная свобода Пушкина. В его поэзии, в его личности, в природе его гения Цветаева видит полное торжество той свободной и освобождающей стихии, выражением которой, как она понимает, служит истинное искусство (об этом – в ее трактате «Искусство при свете совести»).

Пушкинская песня о Чуме – это уже не слова, не стихи, а чистое «наитие стихий», – она написала «языками пламени, валами океана, песками пустыни – всем, чем угодно, только не словами».

Ханум: Стихи к Пушкину

Бич жандармов, бог студентов,
Желчь мужей, услада жен,
Пушкин – в роли монумента?
Гостя каменного? – он,

Скалозубый, нагловзорый
Пушкин – в роли Командора?

Критик – ноя, нытик – вторя:
«Где же пушкинское (взрыд)
Чувство меры?» Чувство – моря
Позабыли – о гранит

Бьющегося? Тот, соленый
Пушкин – в роли лексикона?

Две ноги свои – погреться –
Вытянувший, и на стол
Вспрыгнувший при самодержце
Африканский самовол –

Наших прадедов умора –
Пушкин – в роли гувернера?

Черного не перекрасить
В белого – неисправим!
Недурен российский классик,
Небо Африки – своим

Зававший, невское – проклятым.
- Пушкин – в роли русопята?

Ох, брадатые авгуры!
Задал, задал бы вам бал
Тот, кто царскую цензуру
Только с дурой рифмовал,

А «Европы Вестник» - с ...
Пушкин – в роли гробокопа?

К Пушкинскому юбилею
Тоже речь произнесем:
Всех румяней и смуглее
До сих пор на свете всем,

Всех живучей и живее!
Пушкин – в роли мавзолея?

То-то к пушкинским избушкам
Лепитесь, что сами – хлам!
Как из душа! Как из пушки –
Пушкиным – по соловьям

Слова, соколам полета!
- Пушкин – в роли пулемета!

Уши лопнули от вопля:
«Перед Пушкиным во фронт!»
А куда девали пекло
Губ, куда девали – бунт

Пушкинский? Уст окаянство?
Пушкин – в меру пушкиньянца!

Томики поставив в шкафчик –
Посмешаете ж его,
Беженство свое смешавши
С белым бешенством его!

Белокровье мозга, морга
Синь – с оскалом негра, горло
Кажущим...

Поскакал бы, Всадник Медный
Он со всех копыт – назад.
Трусоват был Ваня бедный, Ну, а он – не трусоват.

Сей, глядевший во все страны –
В роли собственной Татьяны?

Что вы делаете, карлы,
Это – голубей олив –
Самый вольный, самый крайний
Лоб – навеки заклеимив

Низостию двуединой
Золото и середины?

«Пушкин – тога, Пушкин – схима,
Пушкин – мера, Пушкин – грань..»
Пушкин, Пушкин, Пушкин – имя
Благородное – как брань

Площадную – попугаи.

- Пушкин? Очень испугали!

Ведущий: Имя человека - тайна, чудо, до сих пор не раскрытое и не разгаданное, хотя многие ученые и сейчас пытаются найти эту разгадку, размышляя о связи имени с характером, судьбой, личностью человека. Имя «Марина» означает «морская».

Послушаем стихотворение Марины Цветаевой «Кто создан из камня, кто создан из глины...» Прочитает его студентка 2 «Г» курса Кахриманова Мадина.

Мадина: Кто создан из камня; кто создан из глины, -
А я серебрюсь и сверкаю!

Мне дело - измена, мне имя - Марина,
Я - белая пена морская.

Кто создан из глины, кто создан из плоти, -
Тем горб и надгробные плиты...

- В купели морской крещена - и в полете
Своем - непрестанно разбита!

. Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети
Пробьется мое своеволие.

Меня - видишь кудри беспутные эти? -
Земною не сделаешь солью.

Дробясь о гранитные ваши колена.

Я с каждой волной - воскресаю:

Да здравствует пена - веселая пена-

Высокая пена морская!

Давайте постараемся написать слово **М** Марине Цветаевой - образное слово, «портрет», «эмблему имени». Составим как можно больше слов из ее имени. Можно 1-2 буквы, отсутствующие в имени, добавлять.

(черн. мар.)

рана, ветер, риск
мрак, нерв, травма

(зел. маркер)

марево, царевна, мать
цвет, море, мир, ритм, Ева.

Выделим опорное слово. Например, слово **ветер**. Подберем к опорному слову синонимы, антонимы и затем выскажем ассоциации, которые они вызывают. Какие синонимы мы можем подобрать к слову ветер? (ураган, вихрь, полет) какие антонимы? (покой, смерть, тишь). Эти слова вызывают у нас такие ассоциации как тоска, свобода, порыв, трагизм, открытость, резкость, страсть. Как вы уже поняли, это основные понятия поэзии Марины Цветаевой.

Мы проделали большую и очень важную работу. Были писателями, читателями и критиками, постарались проникнуть в духовный мир поэта. У нас теперь есть собственное, не вычитанное отношение к ней. Марина Цветаева-эффектно и даже вычурно! Даже похоже на псевдоним.

Мадина: Цветочное имя. Поэтому дано краткое время цветения жизни. Трагическая быстротечность – это правило жизни поэта. Экзотичность, оригинальность, яркость – и мгновенность.

Царское имя. Морская царевна. Могущественная, всеильная, властная. Гордая и одинокая: «Одна из всех – за всех – противу всех!» Необычная – помечена Богом. Бог испытывал ее всю жизнь. А она, считавшая себя избранницей, никогда не могла принять мир таким, каков он есть.

Кесмер: Летящее имя. Ветер, стихия, свобода, полет, ритм, страсть, сверкание таланта.

Трагическое имя. Рана. Ее жизнь – ринг, борьба со всеми за право быть и созидать.

Венец несчастья,
Вершина неудач.
И свыше всех предательств –
Ужас мира.

Загадочное имя. Тайна. Вето. Мечта.

Я вето преступила.
Я тайну приоткрыла.
Познала счастье, горе,
Не пеною морскою
Я стала в жизни этой –
Мечтою стала я.

Ведущая: Нельзя не отметить, что многие поэты писали стихи, посвященные и обращенные Марине Цветаевой. Одним из этих поэтов был Б. Пастернак.

В своем письме он обращался к ней: «Марина, дорогой мой друг, какие удивительные стихи Вы пишете. Вы - возмутительно большой поэт, в одном слове этого не выразить, выразить при помощи многих - мерзость! Любить Вас так, как надо, мне не дадут и, прежде всего, конечно, Вы. О, как я Вас люблю, Марина. Так вольно, прирожденно, так обожающе ясно!»

Я хотела бы прочитать вам стихотворение Б. Пастернака.

**Борис Пастернак.
Памяти Марины Цветаевой**

Памяти Марины Цветаевой

Хмуро тянется день непогожий.
Безутешно струятся ручьи
По крыльцу перед дверью прихожей
И в открытые окна мои.

За оградою вдоль по дороге
Затопляет общественный сад.
Развалившись, как звери в берлоге,
Облака в беспорядке лежат.

Мне в ненастье мерещится книга
О земле и её красоте.
Я рисую лесную шишигу
Для тебя на заглавном листе.

Ах, Марина, давно уже время,
Да и труд не такой уж ахти,
Твой заброшенный прах в реквиеме
Из Елабуги перенести.

Торжество твоего переноса
Я задумывал в прошлом году
Над снегами пустынного плеса,
Где зимуют баркасы во льду.

Мне так же трудно до сих пор
Вообразить тебя умершей,
Как скопидомкой миллионершей
Средь голодающих сестер.

Что делать мне тебе в угоду?
Дай как-нибудь об этом весть.
В молчаньи твоего ухода
Упрек невысказанный есть.

Всегда загадочны утраты.
В бесплодных розысках в ответ
Я мучаюсь без результата:
У смерти очертаний нет.

Тут все - полуслова и тени,
Обмолвки и самообман,
И только верой в воскресенье
Какой-то указатель дан.

Зима - как пышные поминки:
Наружу выйти из жилья,
Прибавить к сумеркам коринки,

Облить вином - вот и кутья.

Пред домом яблоня в сугробе,
И город в снежной пелене -
Твое огромное надгробье,
Как целый год казалось мне.

Лицом повернутая к богу,
Ты тянешься к нему с земли,
Как в дни, когда тебе итога
Еще на ней не подвели.

Цифра 115 с нею не дружна. С нею - любовь, жизнь, слава. С нею
мы - её почитатели.

Спасибо за внимание.